

Наш постоянный читатель и давний друг журнала, доктор технических наук, ветеран космонавтики России и специалист мирового уровня по разработке топлива в ракетах и воздушно-реактивных двигателях, написал ко Дню защиты детей, который мы отмечаем первого июня, свои размышления о роли русской литературы в школьной жизни.

Несколько глав из этих глубоко русских и православных размышлений мы публикуем в июньском номере журнала, когда Россия по устоявшейся традиции отмечает и день рождения Александра Сергеевича Пушкина...

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

ДАРИТЕ СЕБЯ УЧЕНИКАМ

После школьного выпускного вечера нам довелось встретиться только через 49 лет. В мире нет ничего случайного: настало моё время отдавать долги. Эта встреча не только погрузила меня в пору юношества, но и помогла ещё раз предметно осознать огромную наставническую роль Учителя в России, особенно в России атеистической. Зажечь в ученике неистребимое желание учиться, в том числе учиться духовному восхождению, — на мой взгляд, главное назначение настоящего наставника.

Зоя Семёновна Евтеева — учительница русского языка и литературы — приняла нас, пацанят таганских дворов, после окончания начальных классов в далёком 1952 году в первый день своей работы в качестве дипломированной выпускницы педагогического института. Приняла из рук нашей доброй и мудрой наставницы Анны Александровны Кузнецовой — одной из нравственных опор всего коллектива школы. Школы, которую окончили, в частности, Михаил Ножкин и три брата — три медалиста из семьи обрусевшего армянина с опорной фамилией Паповян.

Красивая и строгая новая “училка” стала нашим кумиром. Уже в наши дни мне открылось, что за строгостью она скрывала свою застенчивость и обострённое чувство справедливости — качества, исконно характерные для русской души. А в те давние дни первый урок начался с вопроса: “Кто читал Муму?” В ответ поднялись две-три руки, и тогда Зоя Семёновна прочитала нам рассказ, пояснив в заключение, что в дни тяжких испытаний отрадой и опорой для Тургенева, по собственному его признанию, был русский язык. Иван Сергеевич, в совершенстве владеющий французским языком, присягнул русскому в качестве спасительного средства при душевных недугах. Нас начинали с азов учить постижению через классику непостижимого чуда, которое являет собою великий и могучий...

Три чуда мировой культуры

Россия неистребима, пока в ней заметно живы идеалы, воспетые нашими гениями — властелинами душ и грёз. Французский поэт Поль Валери восторженно отметил три чуда в мировой культуре — древнегреческие трагедии, итальянский Ренессанс и русскую литературу.

В России художественная словесность всегда была базовым предметом не только школьных программ, но и повсеместного духовного воспитания на-

рода. А ныне литературу выводят из списка предметов, подлежащих итоговой аттестации школьников, и постоянно уменьшают количество часов на изучение русского языка и литературы. Большинство нынешних одиннадцатиклассников не знают слов “косный”, “стусеваться”, “витийствующий”... Но свято место пусто не бывает. Помните потрясение Раскольникова на брошенное уличным прохожим в его адрес слово “убивец”. Зато от слова “киллер” никто не вздрагивает — настолько оно чуждо нам и нечувствительно. И мы в результате становимся всё равнодушнее к информации об убийствах среди бела дня на оживлённых улицах столицы. Такое впечатление, что на русский язык и литературу как на одну из опор духовности предпринято глобальное наступление, а чиновники из Минобрнауки как будто бы ничего не видят!

Об этих болевых точках теперешнего духовного воспитания школьников мы часами беседуем с моей учительницей, которая до последнего времени ещё активно пыталась преподавать свой любимый предмет по традиционным методикам, но в резко меняющихся условиях образования она всё-таки решила уйти на пенсию. Вместе с тем известно, что наши традиционные методики обучения, по крайней мере, в начальной школе до сих пор приводят к интересному результату. Недавнее исследование выявило: в начальной школе русские ученики читают больше всех своих зарубежных сверстников. Но уже к 15 годам эти навыки совершенно исчезают. В старшеклассниках затормаживается процесс самостоятельного мышления. Большинство из них не может выставить ориентиры собственного мнения в безбрежном море современной информации, в том числе информации литературной.

В 2007 году исполнилось 120 лет со дня рождения Игоря Северянина, признанного в 1918 году королём поэтов России. “Я попросила, — вспоминает Зоя Семёновна, — нескольких выпускников случайно выбранной школы (по договоренности с её директором) написать об Игоре Северянине интересное ознакомительное эссе объёмом не более одного листа. Результатом выполненного задания было общее удручающее впечатление от скованности мысли и топорности языка. Справедливости ради, одно из десяти показалось мне достаточно интересным”. Я попросил мою учительницу разрешения опубликовать это эссе. Разрешение получил.

Благодарю выпускника случайно выбранной школы за то, что он устоял против гнёта единого государственного экзамена и не утратил восторженности восприятия уникальных явлений русской литературы!

Король поэтов России

В феврале 1918 года в Политехническом музее города Москвы состоялся выбор Короля поэтов России. В тройке лидеров по итогам тайного голосования сошлись Северянин, Маяковский, Бальмонт. Победил Игорь Северянин с небольшим отрывом от Владимира Маяковского. Литераторы считают, что в этой победе главную роль сыграло стихотворение Короля поэтов “Весенний день”:

*Весенний день горяч и золот, —
Весь город солнцем ослеплён!
Я снова — я, и снова молод!
Я снова весел и влюблён!*

*Душа поёт и рвётся в поле,
Я всех чужих зову на “ты”...
Какой простор! какая воля!
Какие песни и цветы!*

*Скорей бы — в бричке по ухабам!
Скорей бы — в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам,
Как друга, целовать врага!*

*Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! Цвети, сирень!
Винных нет: все люди правы
В такой благословенный день!*

Вполне уместно заметить, что практически все гимназистки дореволюционной России нашёптывали сами себе дерзкие и щекочущие строки Игоря Северянина:

*Вгоните штопор в упругость пробки,
И взоры женщин не будут пробки.*

“Весенний день” лучше всяких наставлений учит поэзии. Какой впечатляющий образ города, ослеплённого солнцем, и человека в горячем и золотом фокусе этого ослепления. Дивны мгновения внезапной влюблённости героя в цветы, песни, людей... Почаще бы Господь одаривал нас такими благословенными днями, когда все люди правы, а душа поэта чутко ощущает и навеки отчеканивает неповторимый образ вновь обретаемой молодости во всём!

От сопереживания к размышлению

Литературу надо преподавать эмоционально. От первого урока до последних в старшем классе Зоя Семёновна постоянно использовала свой излюбленный приём возбуждения эмоций художественным прочтением классики от “Муму” до шедевра середины пятидесятых годов прошлого века “Судьба человека”. Всегда читала выбранные произведения сама удивительно эмоциональным голосом с его особой индивидуальной окраской и при этом тонко наблюдала за нашей реакцией. Вот захлопали ресницы у некоторых, вот опущены глаза у других, а вот, наконец, и установилась эмоциональная дуга сопереживания и сострадания практически у всех. Дуга, которая порождает цвета, голоса, обстановку и, главное, формирует образ. Чудотворна сила слова. Недаром оно было в самом начале всего сущего. Оно может убивать и возвышать. Оно — исток духа Первого Апостола и последнего антихриста. Слово Божественное и слово сатанинское...

Слово лауреата Нобелевской премии из “Судьбы человека” достало нас. Мы были ошеломлены трогательным душевным союзом двух одиноких людей — солдата войны Соколова и его приёмного сынишки. Замолчал голос учительницы, а нам было не стыдно за свои увлажнённые глаза. На какое-то время мы стали лучше, нежнее друг к другу, внимательнее к окружающим людям... Такова сила искусства. Эта сила порождает не только душевный подъём, но и способность к рассуждениям.

Помню, в памяти у меня остался, казалось бы, незначительный эпизод ночного пребывания военнопленных в запертой православной церкви. Один из верующих солдат сознательно пошёл по естественной нужде наружу, под автоматную очередь, дабы не осквернить церковь. Поступок солдата у меня, неверующего, вызывал недоумение. Ради чего идти на смерть? В чём магия веры? Рассуждения вызвали дополнительные вопросы, которые в итоге заставили обратить внимание на великолепие бездействующего храма Святого Мартина Исповедника, что около Таганской площади, вблизи одного из жизненных пристанищ блаженной старицы Матроны. Возможно, от этого храма начался мой долгий извилистый, порою подсознательный путь к принятию уже в зрелые годы Православия.

Наша учительница не ограничивалась преподаванием литературы на уроках. Заядлая туристка, она до последнего времени руководила туристическими походами учащихся в самые отдалённые уголки нашей страны, раскрывая врачующий дар русской природы и одновременно помогая постичь глубину исторических событий в местах их свершения. Куликовское, Бородинское и Прохоровское поля, дворянские очаги Лермонтова, Толстого, Тургенева, Бунина... траурные колокола Хатыни и полигона НКВД Бутово — всё это вкупе помогало развивать то, что Толстой назвал “скрытой теплотой патриотизма”.

Истинный патриот России, Зоя Семёновна организовала в 1970 году в школе № 434 музей боевой славы 2-й дивизии народного ополчения. Долго была хранительницей своего детища, а ныне передала его в надёжные руки своего ученика, студента второго курса Евгения Блинкова. В музее происходят систематические встречи ветеранов войны со школьниками, регулярно проводятся ознакомительные экскурсии по шести темам, устраиваются киносеансы художественных и публицистических фильмов “А зори здесь тихие...”,

“Судьба человека”, “Обыкновенный фашизм”, “Звезда” и др. Большое внимание в экспозиции музея уделено погибшим учителям и выпускникам школы. Впечатляет фотография выпускников рокового 1941 года. Каждое лицо как бы призывает – будьте не хуже нас. Музей – немеркнущий очаг памяти тех, кто учил Зою Семёновну и её сверстников пониманию справедливости вне зависимости от условий жизни. А когда война резко изменила эти условия, многие учителя ушли добровольцами на фронт отстаивать порою ценой жизни своё понимание справедливости.

Моей учительнице был очень дорог её первый выпуск. Она больше меня переживала за то, что в РОНО не утвердили моего выпускного сочинения на “отлично” с формулировкой о неполном раскрытии заданной темы, тем самым лишив меня медали. Зато это обстоятельство определило мой дальнейший путь – сдал документы не в Литинститут, а в Бауманку. Через преодоление к усилению. Лишение медали усилило меня необыкновенно, а достаточно развитое образное мышление помогло мне в профессиональной деятельности, в разработке, в частности, физической модели с последующим её математическим описанием сложного процесса в лопаточных машинах, что признано мировой научной общественностью.

Меня ошеломила в Зое Семёновне спустя 49 лет её необыкновенная память. После приветствия я довольно-таки бесцеремонно спросил свою учительницу: “А помните ли Вы моё имя?” После небольшой паузы последовал ответ: “То ли Виталий, то ли Валерий”. За 53 года преподавания она выпустила почти 3 тысячи школьников. Невозможно запомнить всех! А секрет такой памяти в одном – она дарила себя каждому ученику безраздельно. А первый выпуск остаётся навсегда первым выпуском! Судьба одарила меня двумя школьными наставниками от Бога – А. А. Кузнецовой и З. С. Евтеевой. Уже став дедом, я понял, как это важно для последующей жизни: вместить в себя многие шедевры русской литературы с восприятием через это основ нравственности. 22 апреля я позвонил издали в Москву с тем, чтобы поздравить Зою Семёновну с её очередным юбилеем. Она по-прежнему молодым энергичным голосом обрадованно сообщила, что к ней с поздравлениями приехали её недавние выпускники, в том числе и Женя Блинков. Долгих и радостных Вам лет, Зоя Семёновна! Пусть успехи Ваших учеников станут и Вашими успехами. Вы имеете на это полное основание: любовно возвращенное Вами принадлежит Вам в достаточно большой мере.

Зачем технарю русская литература? Такой вопрос я задал выпускнику филологического факультета МГУ, ныне директору школы № 434 Александру Андреевичу Абрамову. Ответ был поразительный: “Чтоб уберечься от цинизма!” Аргументы директора насколько просты, настолько и убедительны. Только через русскую литературу мы постигаем богатство великого и могучего русского языка, глубину русской идеи (как предчувствие общей беды и мыслей о всеобщем спасении) и нравственную основу жизни. В потоке иностранной переводной литературы можно ориентироваться, только имея фундамент, замешанный на русской литературе. Во-первых, Запад ныне в тупике, ибо общество потребления ведёт в никуда; во-вторых, русский язык удивительно гибок (фраза “Я люблю Вас” в английском языке имеет одну версию, а в русском – шесть); в-третьих, перевод должен быть адекватен оригиналу. Достаточно вспомнить, что Маршак полтора года бился над переводом известного сонета Шекспира (“Уж лучше грешным быть, чем грешным слать. Напраслина страшнее обличенья”). А таких, как Маршак – ой, как мало! И поэтому духовность наших детишек несомненно лучше возвращать на русских сказках, былинах, а затем с постепенным усложнением по классам и на русской классике.

Аргументы А. Абрамова разделяют многие преподаватели русского языка и литературы, в том числе и некоторые нынешние выпускники-филологи. С учётом глубинности традиций русской школы художественной словесности можно надеяться, что принудительное навязывание в школьном образовании западных моделей не даст ожидаемых его проводниками результатов. Россия обретает опыт противодействия западному влиянию. Министры приходят и уходят, а наша страна с её многовековыми традициями остаётся.

Зоя Семёновна с её уникальным профессиональным багажом часто проводила открытые уроки. Говорят, что шедевром моей учительницы до сих пор является разбор рассказа Куприна “Гранатовый браслет” в качестве иллюстрации экстремальной жизненной ситуации. Ученики якобы сами приходят

к правильному выводу через эмоциональное сопереживание и сострадание.

Остаюсь Вашим учеником, дорогая моя Учительница русского языка и литературы. Красивая и строгая, расслабьтесь и не стыдитесь своих слёз, ибо мы всё-таки частично унаследовали Ваше обострённое чувство справедливости и несём его людям в сфере своей научно-производственной и бытовой жизни. Храни Вас Господь долгие годы, а мы будем ходить к Вам по возможности на доверительные беседы: учиться надо всегда!

Есть Пушкин – жива Россия

По опубликованию своего очерка “Дарите себя ученикам” вновь пообщался по поводу разбора “содеянного” с учительницей, неожиданной встречей с которой после 49-летнего перерыва обязан рождению публикации. После замечаний сугубо редакционного характера Зоя Семёновна удивлённо заметила отсутствие упоминаний Пушкина и сама же за меня ответила: “Александр Сергеевич требует не просто упоминания, но – особого разговора”. Посоветовала мне прослушать курс бесед профессора Московского государственного университета Валентина Семеновича Непомнящего, который читает и толкует роман в стихах “Евгений Онегин”. Приобрёл два диска полной записи упомянутых бесед и почти на сутки (с перерывами и с возвратом на повторное прослушивание фрагментов) погрузился в уникальный мир – мир протяжённостью почти в два столетия.

Беседы начаты неспешно, с традиционными отступлениями, как бы настраивая слушателя на восприятие большой панорамы событий. Нынешний же собеседник, как правило, динамичен: он привык к быстрой развязке (теперешняя жизнь такова), без создания нужной среды посредством вводных пояснений. Для него рассказчик может предстать занудным учёным-филологом, привыкшим к кабинетным изысканиям. Но, слушатель! Будь терпелив, и терпение твоё вознаградится! Как вознаградилось моё.

Сопутствующие созданию романа обстоятельства стали для меня порою откровениями. Положим, из школы помню, что “Евгений Онегин” писался почти семь с половиной лет (1823–1830), что Пушкин выявил себя в трёх ипостасях (Татьяна–Ленский–Онегин), что начало стихов не предвещало их известного завершения: Александр Сергеевич не знал финала – он сложился по ходу творения. Известный своей непостижимостью факт: с некоторого момента талантливое творение как бы оживает и начинает управлять автором. Вместе с тем Валентин Семёнович Непомнящий необыкновенно расширил мои представления. Пушкин творил, а его творение преобразовывало самого автора. Он начинал понимать свою богоносную роль – “глаголом жечь сердца людей”, то есть пробуждать их совесть. И вот по ходу сочинительства его необыкновенных строф на свет появляется “Пророк” (1826 год) как манифест Поэта. Дальше – больше: Поэт отходит от юношеского поклонения Вольтеру с его порою богохульными поэмами, а до этого он прощается со своей юностью, подставив Ленского под пулю Онегина. Вхождение в зрелую пору сопровождается озарением относительно своего приятеля Евгения. “Уж не пародия ли он?” – такой вопрос задаёт себе Татьяна при осмотре кабинета уехавшего Онегина.

С этого вопроса начинает формироваться ответ (ни много ни мало!) о судьбе русского народа. Гений Пушкина предвидел трудный путь России с необходимостью выбора между либерализмом Запада и духовностью славянства. Онегин с его кредо «бери от жизни всё» и Татьяна с её возвышенной душой и жертвенностью русской женщины – две России, они прочитываются хотя бы через сравнение двух писем: письма Онегина к Татьяне (восьмая глава) и письма Татьяны к Онегину (третья глава). Их нужно читать обязательно вслух – так советует профессор МГУ, и его совет оборачивается удивительным пониманием (порою через трудноуловимые нюансы) разительной несхожести двух России. Евгений с его эгоцентризмом (я – цель, всё остальное – средства), возвращенным на западных потребительских ценностях, и Татьяна Дмитриевна с её монологом на их последнем свидании:

*...Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,*

*За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где ныне крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...*

Система ценностей как базис культуры, разная у этих двух России, и по какому пути пойдёт наше Отечество, остаётся вопросом, прежде всего, нашего времени.

“Евгений Онегин” стал для русской литературы тем же, чем была “Псалтырь” для богослужения – таково ключевое утверждение автора бесед о романе в стихах. После прослушанных бесед всё чаще и чаще стал обращаться “к солнцу нашей поэзии”, чтобы глубже постичь неисповедимые изгибы нашего времени. Лучший представитель русского народа, Пушкин по ходу своего гениального творения начал сложный путь от неверия (вспомните Вольтера) к Православию, и неизмеримая пропасть отделяет его, например, “Гавриилиаду” от поэтической молитвы середины тридцатых годов к Матери Божьей. И уж каждому русскому человеку вне зависимости от его мировоззрения (безбожник или верующий) близки и понятны слова нашего национального поэта: “...клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал”. Более ёмкого, глубокого и беспартийного выражения патриотизма мне не приходилось встречать. И понятие Бога здесь чётко увязано с Иисусом Христом, что достаточно научно и полно представлено в монографии Ирины Юрьевой “Пушкин и христианство”. Евгений Онегин – это духовное завещание потомкам: только путь к Православию спасёт русскую цивилизацию. Есть Пушкин – жива Россия! Уж в этом у меня нет никакого сомнения.